

УДК 343.12; 343.14
МРНТИ 10.79.21; 10.79.35

А.А. Тарасов

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

ЭКСПЕРТ И СПЕЦИАЛИСТ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Нормативно-правовая регламентация участия в уголовном деле носителей специальных знаний нацелена на решение доказательственных задач по этому делу. Общая для России и Казахстана советская и относительно различная постсоветская практика решения этих задач позволила выявить схожие проблемы правотворчества и правоприменения, которые в новейших уголовно-процессуальных законах обоих государств решаются отчасти сходно, отчасти несколько по-разному, в том числе и в определении процессуальных статусов эксперта и специалиста. Общим является сохранение обеих процессуальных фигур для участия в деле носителей специальных знаний, что не характерно для большинства зарубежных правовых систем. В статье доказано, что главные разграничительные критерии статусов эксперта и специалиста, считавшиеся бесспорными в советское время – факт проведения исследований и дачи заключений по их результатам только экспертами – в современных условиях утратили актуальность по обоим сравниваемым законам. Сохранен единственный критерий такого разграничения – сугубо процедурный – юридический факт назначения судебной экспертизы как основание возникновения процессуального статуса эксперта. Делается итоговый вывод о нецелесообразности сохранения двух процессуальных статусов сведущих лиц в обеих национальных системах уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; судебно-экспертная деятельность по уголовным делам; эксперт; специалист; назначение судебной экспертизы; заключение и показание эксперта; заключение и показание специалиста; допрос эксперта; допрос специалиста.

А.А. Тарасов

Уфа ғылым және технология университеті, Уфа қ., Ресей Федерациясы

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН РЕСЕЙ ФЕДЕРАЦИЯСЫНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУ ЗАҢНАМАСЫНЫҢ САРАПШЫСЫ ЖӘНЕ МАМАНЫ

Аннотация. Арнайы білімді тасымалдаушылардың қылмыстық іске қатысуын нормативтік-құқықтық реттеу осы іс бойынша дәлелдемелік мәселелерді шешуге бағытталған. Ресей мен Қазақстан үшін ортақ кеңестік және осы міндеттерді шешудің салыстырмалы түрде әр түрлі посткеңестік тәжірибесі екі мемлекеттің ең жаңа қылмыстық іс жүргізу заңдарында ішінара ұқсас, ішінара біршама басқаша шешілетін заң шығару мен құқық қолданудың, оның ішінде сарапшы мен маманның іс жүргізу мәртебесін айқындаудың ұқсас мәселелерін анықтауға мүмкіндік берді. Жалпыға ортақ нәрсе – көптеген шетелдік құқықтық жүйелерге тән емес арнайы білім тасымалдаушылардың ісіне қатысу үшін екі процессуалдық көрсеткіштің сақталуы. Мақалада кеңес дәуірінде сөзсіз деп саналатын сарапшы мен маман мәртебесінің негізгі демаркациялық критерийлері – зерттеулер жүргізу және олардың нәтижелері бойынша тек сарапшылар қорытынды беру фактісі – қазіргі жағдайда салыстырылған екі заңның да өзектілігін жоғалтқаны дәлелденді.

Мұндай сарапшының жалғыз критерийі – сарапшының іс жүргізу мәртебесінің пайда болуының негізі ретінде сот сараптамасын тағайындаудың таза процедуралық – заңды фактісі сақталды. Қылмыстық процестің екі ұлттық жүйесінде де білімді адамдардың екі іс жүргізу мәртебесін сақтаудың орынсыздығы туралы түпкілікті қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: қылмыстық процесс; қылмыстық сот ісін жүргізу; қылмыстық істер бойынша сот-сараптама қызметі; сарапшы; маман; сот сараптамасын тағайындау; сарапшының қорытындысы мен айғақтары; маманның қорытындысы мен айғақтары; сарапшыдан жауап алу; маманнан жауап алу.

A.A. Tarasov

Ufa University of Science and Technology, Ufa c., the Russian Federation

EXPERT AND SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The normative-legal regulation of participation in a criminal case of carriers of special knowledge is aimed at solving evidentiary problems in this case. The common for Russia and Kazakhstan Soviet and relatively different post-Soviet practice of solving these problems made it possible to identify similar problems of lawmaking and law enforcement, which in the latest criminal procedure laws of both states are solved in part similarly, in part somewhat differently, including in determining the procedural status of an expert and specialist. The common thing is the preservation of both procedural figures for participation in the case of carriers of special knowledge, which is not typical for most foreign legal systems. The article proves that the main delimiting criteria for the status of an expert and a specialist, which were considered indisputable in Soviet times - the fact of conducting research and giving conclusions on their results only by experts – in modern conditions have lost their relevance according to both compared laws. The only criterion for such a distinction has been retained – a purely procedural one – the legal fact of the appointment of a forensic examination as the basis for the emergence of the procedural status of an expert. The final conclusion is made about the inexpediency of maintaining two procedural statuses of knowledgeable persons in both national systems of criminal procedure.

Keywords: criminal process; criminal proceedings; forensic activities in criminal cases; expert; specialist; appointment of a forensic examination; conclusion and testimony of an expert; conclusion and testimony of a specialist; interrogation of an expert; interrogation of a specialist.

DOI: 10.52425/25187252_2023_29_113

Введение. Привлечение к производству по уголовному делу «сведущих лиц», то есть лиц, обладающих специальными неюридическими знаниями, для установления юридически значимых обстоятельств – это общемировая практика, сложившаяся столетиями. Эта практика с неким набором национальных и исторических особенностей, в целом, достаточно универсальна для всех государств, как минимум, в части обязанности привлечения к участию в юридических процедурах судебных медиков, почерковедов, специалистов в узких научных и технических областях – химии, физике, строительстве, транспорте, в разных видах искусства и т.д.

Для государств англосаксонской правовой семьи характерно привлечение «сведущих лиц» (для их обозначения используются на равных основаниях как латинские термины «эксперт» и «специалист», так и любые их англоязычные синонимы) к участию в судебном следствии для дачи показаний в состязательной процедуре с участием всех субъектов, имеющих в данном деле собственный или представляемый правовой

интерес. Под «заключениями» в научной литературе принято понимать не какие-то особые документы, а «выводы», то есть то, что в формальной логике называется умозаклучениями. Заклучения могут содержаться не только в показаниях сведущих лиц, но и в показаниях других допрашиваемых, однако обычным свидетелям позволительны лишь так называемые «повседневные выводы», тогда как заклучения экспертов делаются профессионалами «в их области специализации». Сведущие лица на равных основаниях приглашаются спорящими сторонами в суд, привлечение экспертов по назначению суда тоже возможно, но используется на практике редко [1, С. 209-210].

Для континентально-европейских государств с их процессуально урегулированными процедурами досудебного производства по уголовным делам характерно наделение сведущих лиц особым процессуально-правовым статусом. Так, например, в Германии Sachverständige (буквально: «Sache» – «вещь», «verständlich»

– понимающий), то есть «сведущие лица» не делятся по процессуальному статусу на какие-то виды в зависимости от варианта их участия в производстве по уголовному делу, притом, что их могут привлекать и в судебном и в досудебном производстве, для дачи письменных «отчетов» (Gutachten) о проведенных ими исследованиях и для дачи показаний¹.

Любые сходства и различия в процессуальных формах привлечения «сведущих лиц» к участию в производстве по уголовному делу всегда давали почву для интересных сравнительно-правовых исследований во всем мире и позволяли постоянно совершенствовать процедуры судебно-экспертной и иной деятельности носителей специальных знаний в уголовном процессе [2].

В основе как сходств, так и различий в правовых формах использования специальных знаний в производстве по уголовным делам лежат сходства и различия в формировании правовых систем разных государств, их исторические традиции, а иногда – и вовсе случайные факторы сиюминутного действия. В любом случае сравнительно-правовые исследования в этой сфере полезны для решения многих проблем теории и практики уголовного процесса любых государств.

Материалы и методы. В связи со сказанным очевидный интерес приобретает сравнение Уголовно-процессуальных кодексов и смежных нормативно-правовых актов на предмет выявления сходств и различий в законодательном определении уголовно-процессуальных статусов носителей специальных знаний (экспертов и специалистов) в Республике Казахстан (далее – РК) и в Российской Федерации (далее – РФ). Применение методов структурно-системного анализа и синтеза, формально-юридического толкования в совокупности с методами сравнительного правоведения и исторического анализа позволяет выявить немало схожих правовых и организационных проблем, имеющих

общие исторические корни, а также разные варианты их решения в правотворческой и правоприменительной практике.

Результаты/обсуждение. Сравнение уголовно-процессуальной регламентации статуса носителей специальных знаний (эксперта и специалиста) и их участия в производстве по уголовным делам в законодательстве РФ и РК позволяет констатировать весьма заметную общность теоретических и практических проблем, на решение которых эта регламентация была направлена, а также общность исторических и социально-политических оснований уголовно-процессуальной политики обоих государств. Выявленные различия тоже весьма характерны. Они обусловлены и более поздним глобальным обновлением уголовно-процессуального законодательства РК и предпринятыми попытками решения общих для обоих постсоветских государств проблем судебно-экспертной и иной деятельности «сведущих лиц» в уголовном процессе.

В части 1 статьи 79 («Эксперт») действующего Уголовно-процессуального кодекса РК² от 4 июля 2014 года, далее именуемого также и «УПК РК», эксперт определяется как «незаинтересованное в деле лицо, обладающее специальными научными знаниями». Здесь прямо не указан обязательный правовой критерий, отграничивающий процессуальный статус эксперта от статуса иного носителя специальных знаний, участвующего в данном уголовном деле, – факт назначения судебной экспертизы. Лишь по косвенной оговорке в этой же статье УПК РК, касающейся требований, предъявляемых к «лицу, которому может быть поручено производство экспертизы» можно сделать вывод о том, эксперт – это тот, кто производит экспертизу.

Обратить внимание на это обстоятельство заставляет тот факт, что в российской уголовно-процессуальной науке ведется давняя дискуссия о правовых различиях между экспертом и специалистом [3, С. 5-19]. Традиционные, известные со времен

¹ Strafprozeßordnung der BRD [Electronic resource] – Access mode: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo> (Access data: 19.07.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. №231-V (с изм. и доп. по сост. на 24.07.2023 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 19.07.2023).

общих с Казахской ССР «Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик» 1958 года [4, С. 522-537], разграничительные критерии в процессе реформирования российского уголовно-процессуального законодательства постепенно утратили свое бесспорное значение. С 2003 года специалист стал привлекаться сторонами и судом для дачи заключений и показаний (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – далее по тексту так же и «УПК РФ»³), как и эксперт, а сами заключения и показания обоих сведущих лиц формально приобрели равную юридическую силу. С 2010 года специалисты стали производить исследования при проверке сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), а по результатам таких исследований тоже могли составляться заключения, которые в отдельных случаях впоследствии могли приравниваться по доказательственной силе к заключениям эксперта (при производстве дознания в сокращенной форме – п. 3 ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ). И хотя в современной уголовно-процессуальной литературе отдельные авторы по инерции еще продолжают настаивать, что эксперт – это тот, кто проводит исследования, а специалист – тот, кто только отвечает на вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию, не проводя исследований [5, 169 стр.], названный разграничительный критерий перестал быть универсальным теперь уже бесспорно.

В этой части казахстанский законодатель в 2014 году пошел еще дальше. В части 2 статьи 80 УПК РК, посвященной статусу специалиста, прямо указано, что «в качестве специалиста для проведения исследования и дачи заключения может быть привлечен сотрудник уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан». Не вдаваясь в подробности субъектной составляющей этой процедуры, в контексте наших рассуждений отметим, что возможность проведения

исследования и дачи по его результатам заключения прямо предусмотрена в УПК РК именно для специалиста, как и для эксперта, что отмечено выше. В этой же статье имеются оговорки, касающиеся содержания самого исследования, производимого специалистом, в виде не абсолютного, процедурно обусловленного законодательного ограничения на проведение им «сравнительного исследования», либо исследования, связанного с уничтожением исследуемых объектов. В этой же статье 80 есть специальное указание и на то, что исследование, проведенное специалистом, не исключает проведения судебно-экспертного исследования по тем же вопросам, и это лишь подчеркивает главное – специалист по УПК Казахстана может проводить исследования и давать заключения по их результатам.

Из сказанного можно сделать вывод, что как по российскому, так и по казахстанскому уголовно-процессуальному закону неизменно остался единственный критерий разграничения процессуальных статусов эксперта и специалиста – процессуально-правовой, то есть сугубо процедурный – факт назначения по делу судебной экспертизы. Под экспертизой в обоих законах понимаются исследования именно с таким названием, указанным в соответствующем процессуальном документе – как правило, постановлении, вынесенном лицом, в производстве которого находится уголовное дело. Индивидуализирует конкретного носителя специальных знаний в качестве эксперта юридический факт поручения производства экспертизы конкретному лицу, либо указанному в постановлении о ее назначении, либо определенному руководителем экспертного учреждения (по УПК РК – «органа судебной экспертизы»), которому поручено производство экспертизы. Никакие другие критерии разграничения процессуального статуса «сведущих лиц» не основаны на действующем уголовно-процессуальном законе обоих государств.

Отдельного предметного обсуждения

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (ред. от 10.07.2023 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 19.07.2023).

заслуживает словосочетание «специальные научные знания» (*выделено мною – А.Т.*) как обозначение компетентности эксперта в статье 79 УПК РК. Известно, что российский законодатель в 2001 году отказался от какой бы то ни было конкретизации понятия «специальные знания» (термин «специальные познания» считаем точным синонимом, хотя в российской науке высказывались и иные суждения). В статье 78 УПК РСФСР 1960 года («Экспертиза») в контексте обозначения оснований назначения экспертизы было употреблено словосочетание «специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле». Сейчас аналогичное указание сохранено в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности» от 31 мая 2001 года №73-ФЗ (в действующей редакции). Полагаем, что указание в законе Республики Казахстан на «научность» специальных знаний эксперта, равно как и отсутствие такого указания в отношении специальных знаний специалиста (ст. 80 УПК РК), не имеет ни теоретического, ни практического значения. Однако при этом оно способно ввести в заблуждение относительно того, по каким вопросам можно назначать экспертизу, а по каким – нет. Так, например, традиционный народный промысел может не иметь сколько-нибудь полного освещения в научной литературе, да и вообще – никогда не быть предметом научного исследования по тем или иным причинам, однако при этом есть люди, посвятившие этому промыслу целую жизнь и научившиеся его тонкостям от нескольких поколений своих предков. Странно было бы не привлечь таких людей в качестве экспертов (равно, как и специалистов), конечно, при условии, что их уровень общего образования позволит им ответить на вопросы, касающиеся их промысла, в формулировках, доступных пониманию участников уголовного процесса на уровне общих знаний.

На теоретическом уровне в российской науке предпринимались попытки разграничить процессуальный статус эксперта и специалиста по объему, содержанию и качеству специальных знаний.

Но все они были не слишком настойчивы и, как правило, бесперспективны, как минимум, потому, что в российском уголовном процессе в качестве экспертов и специалистов по многим уголовным делам могли привлекаться и реально привлекались одни и те же лица. Последнее особенно характерно для большинства судебно-медицинских экспертиз и многих криминалистических: эксперт сначала участвует в качестве специалиста в осмотре места происшествия, трупа, предметов и документов, а потом, после столь же активного консультационного участия в назначении экспертизы (для формулирования вопросов, определения круга исследуемых объектов и т.д. в соответствии с правилами ст. 58 УПК РФ), сам же проводит экспертизу по постановлению следователя. Вовсе не случайно по УПК РФ 2001 года (то есть с 1 июля 2002 года) предыдущее участие в деле в качестве специалиста перестало быть основанием для отвода эксперта, как когда-то было предусмотрено в советском УПК РСФСР 1960 года с единственным исключением для судебных медиков.

В УПК РК этот вопрос решается принципиально иначе, поскольку экспертом не может быть носитель специальных знаний «если он участвовал в деле в качестве специалиста, за исключением случаев участия врача-специалиста в области судебной медицины в осмотре трупа человека» (п. 5 ч. 1 ст. 93 УПК РК). Здесь, как видим, сохранен жесткий ограничительный подход советского законодателя. Разумное объяснение этому находим в пункте 3 части 1 этой же статьи, согласно которой эксперт подлежит отводу, «если он проводил ревизии и иные проверочные действия, результаты которых послужили основаниями для начала уголовного преследования». Здесь подчеркнем два момента. Во-первых, профессионал, уже высказавший свое мнение об исследуемых событиях, может быть связан своим прежним мнением, а потому необъективен при производстве экспертизы. С этим трудно не согласиться. Во-вторых, в условиях широко обсуждаемого в России отказа РК от сохраняемой по УПК

РФ стадии возбуждения уголовного дела, проверочные действия, предшествующие началу уголовного преследования и дающие для него основания, в Казахстане тоже проводятся и тоже имеют юридические последствия для последующего досудебного расследования. Полагаем, что и этот подход казахстанского законодателя также весьма разумен.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о предусмотренных уголовно-процессуальными законами обоих государств случаях обязательного назначения экспертизы. К рассматриваемому здесь вопросу о разграничении процессуальных статусов эксперта и специалиста эти случаи имеют прямое отношение. При отсутствии прямого указания в законе на обязательное назначение и производство судебной экспертизы для установления каких-то юридически значимых обстоятельств, властвующий субъект, в производстве которого находится уголовное дело, менее скован в принятии решения по результатам исследования таких обстоятельств. Во-первых, он может, не назначая экспертизу, обойтись собственной неюридической эрудицией для установления этих обстоятельств (например, рассчитав сумму причиненного преступлением ущерба). Во-вторых, он может для этого же ограничиться заключениями и показаниями специалиста или нескольких специалистов, возможно, приглашенных обеими тяжущимися сторонами. Наконец, в-третьих, в случаях, когда экспертиза уже проведена, а допрошенный в суде специалист представил убедительные профессиональные доводы, позволяющие властвующему субъекту оценить заключение эксперта критически и признать его недостоверным или необоснованным, следователь (дознатель) или суд не обязаны проводить новую, а именно повторную экспертизу для установления тех же обстоятельств. Они вправе в процессуальном решении просто оговорить, почему они не доверяют заключению эксперта как доказательству

и отвергают его. В случаях обязательного назначения экспертизы опровергнуть выводы экспертов можно только другими выводами экспертов и назначение повторной экспертизы станет обязательным. В этой части процессуальная регламентация в обоих сравниваемых государствах практически идентична.

Тем интереснее выглядит главное различие. В УПК РФ перечень таких случаев исчерпывающий, а в УПК РК открытый, благодаря пункту 6 части 1 статьи 271, в котором имеется указание на «иные обстоятельства дела, которые не могут быть установлены другими доказательствами». Подход казахстанского законодателя более верен, чем отраженный в статье 196 УПК РФ, поскольку он позволяет суду прямо обосновать свой вывод о недоказанности каких-то обстоятельств уголовного дела, называемых в приговоре или ином решении суда, отсутствием заключения эксперта по вопросам об этих обстоятельствах.

Такой возможности не дает закрытый перечень статьи 196 УПК РФ. Так, например, даже после весьма характерных изменений в пункте 3 части первой этой статьи, внесенных 30 декабря 2021 года – о сомнениях в отношении вменяемости подозреваемого или обвиняемого – к числу случаев обязательного назначения экспертизы формально по-прежнему не относится случай «ограниченной возрастной вменяемости» несовершеннолетних (ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса РФ⁴). При этом ни у кого, ни в теории, ни на практике не возникает сомнений в возможности установить, что несовершеннолетний, формально достигший возраста уголовной ответственности, в силу отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не в полной мере создает фактический характер и общественную опасность своих действий, можно только с помощью комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Понятно, что на практике такие экспертизы всегда (или почти всегда) назначаются.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2023) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.07.2023).

И тем более странно в связи с этим, что такой обязанности у следователей и дознавателей по действующему закону нет. Анализ мирового опыта показывает, что междисциплинарные экспертные исследования на стыке психологии, психиатрии и медицины – одни из самых сложных, трудоемких, но при этом – одни из самых востребованных в практике уголовного судопроизводства, особенно по делам с участием несовершеннолетних [6]. В связи со сказанным представляется, что отсутствие в законе указания на них как на случай обязательного назначения экспертизы в закрытом перечне таких случаев – это ошибка российского законодателя, требующая устранения.

Заключение. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве РК, как и в уголовно-процессуальном законодательстве России сохраняются оба процессуальных участника, в качестве которых могут быть привлечены к производству по уголовному делу носители специальных знаний.

1. Единственным бесспорным различием между названными процессуальными формами использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве обоих государств является факт назначения судебной экспертизы с вынесением процессуального решения именно об этом в случае привлечения эксперта и, соответственно, отсутствие такового в случаях привлечения специалиста.

2. Специалист по УПК РК может привлекаться для проведения исследований, по результатам которых он дает заключение,

что не исключает производства судебной экспертизы по этим же вопросам. Для исследования, производимого специалистом, предусмотрены отдельные законодательные ограничения, для которых тем же законом предусмотрены возможные исключения.

3. Случаи обязательного назначения экспертизы в казахстанском уголовно-процессуальном законодательстве, в отличие от российского, приводятся в открытом перечне, позволяющем считать назначение судебной экспертизы обязательным во всех случаях, когда иначе невозможно установить какие-то имеющие значение для дела обстоятельства. Такой подход видится оптимальным и заслуживает реализации и в российском уголовно-процессуальном законе.

4. Сравнительный анализ уголовно-процессуальной регламентации привлечения к участию в уголовном деле эксперта и специалиста в РК и в РФ, исследование теоретических дискуссий по обозначенному здесь кругу вопросов, а также изучение зарубежного законодательства по этим же вопросам приводят к выводу о весьма спорной целесообразности сохранения в уголовном процессе обоих государств одновременно двух названных процессуальных фигур. Их процессуальный статус нуждается в унификации, а в качестве названия участника процесса может быть использован любой из этих латинских терминов или какой-то третий вариант – например, известный российскому уголовному процессу термин «сведущее лицо».

Список использованной литературы:

1. Бернам, У. Правовая система США: 3-й выпуск. / У. Бернам. – М.: «Новая юстиция», 2006. – 1216 с.
2. Koehler, K. Der amerikanische Psychiater als Sachverständiger vor Gericht: ein Vergleich mit der Praxis in der Bundesrepublik Deutschland [Electronic resource] / K. Koehler // Der psychiatrische Sachverständige im Strafrecht / Hermann Witter. MedR Schriftenreihe Medizinrecht (MEDR), 1987. – S. 215-227. – Access mode: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-642-83117-1_9 (Access data: 19.07.2023).
3. Тарасов, А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. / А.А. Тарасов. – М.: Проспект, 2019. – 128 с.
4. Конституция и законы Союза ССР. – М.: Издательство «Известия советов народных

депутатов СССР», 1983. – 639 с.

5. Подольный, Н.А. Значение специальных знаний для расследования преступлений / Н.А. Подольный // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ. конф. (13-14 октября 2022 г.); отв. ред. Ф.Г. Аминев. – Частное учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства». – Уфа, 2022. – С. 167-172.

6. Psychologische Begutachtung im Strafverfahren: Indikationen, Methoden und Qualitätsstandards [Electronic resource] / Hans-Ludwig Kräber´Max Steller (Hrsg.). – Berlin: German Pages, 2005. – 222 s. – Access mode: <https://dokumen.pub/psychologische-begutachtung-im-strafverfahren-indikationen-methoden-und-qualitätsstandards-2-berarb-und-erw-aufl-9783798515086-3798515085.html> (Access data: 19.07.2023).

References:

1. Bernam, U. Pravovaja sistema SShA: 3-j vypusk. / U. Bernam. – M.: «Novaja justicija», 2006. – 1216 s.

2. Koehler, K. Der amerikanische Psychiater als Sachverständiger vor Gericht: ein Vergleich mit der Praxis in der Bundesrepublik Deutschland [Electronic resource] / K. Koehler // Der psychiatrische Sachverständige im Strafrecht / Hermann Witter. MedR Schriftenreihe Medizinrecht (MEDR), 1987. – S. 215-227. – Access mode: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-642-83117-1_9 (Access data: 19.07.2023).

3. Tarasov, A.A. Jekspert i specialist v ugolovnom processe Rossii: monografija. – 2-e izd., pererab. i dop. / A.A. Tarasov. – M.: Prospekt, 2019. – 128 s.

4. Konstitucija i zakony Sojuza SSR. – M.: Izdatel'stvo «Izvestija sovetov narodnyh deputatov SSSR», 1983. – 639 s.

5. Podol'nyj, N.A. Znachenie special'nyh znaniy dlja rassledovanija prestuplenij / N.A. Podol'nyj // Teorija i praktika fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij v sfere sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti i DNK-registracii naselenija Rossijskoj Federacii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (13-14 oktjabrja 2022 g.); отв. red. F.G. Aminev. – Chastnoe uchrezhdenie «Nauchno-issledovatel'skij institut problem pravovogo gosudarstva». – Ufa, 2022. – S. 167-172.

6. Psychologische Begutachtung im Strafverfahren: Indikationen, Methoden und Qualitätsstandards [Electronic resource] / Hans-Ludwig Kräber´Max Steller (Hrsg.). – Berlin: German Pages, 2005. – 222 s. – Access mode: <https://dokumen.pub/psychologische-begutachtung-im-strafverfahren-indikationen-methoden-und-qualitätsstandards-2-berarb-und-erw-aufl-9783798515086-3798515085.html> (Access data: 19.07.2023).

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МƏЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Александр Алексеевич Тарасов – Уфа ғылым және технологиялар университетінің құқық институтының қылмыстық құқық және процесс кафедрасының меңгерушісі, заң ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: aatar@mail.ru.

Тарасов Александр Алексеевич – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор, e-mail: aatar@mail.ru.

Tarasov Alexander Alekseevich – Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor, e-mail: aatar@mail.ru.